

Глава 20.3. Семейные разборки

Но Шэнь Юньчжоу вовсе не шутил. Да и жениться уже скоро надо. Незаметно время подошло к назначенной дате. Приданое Цзян Нина уже постепенно перевозили в новый дом. Шэнь Юньчжоу выбрал благоприятный день и отправил подарки невестке, которые помогла подготовить жена лекаря.

Хотя приданое стоило всего двадцать связок монет, там было всё: овцы, гуси, свинья, вино, а ещё несколько сундуков с тканями и чайными лепёшками. Приданое заняло почти половину двора и привлекло соседей, пришедших поглазеть.

Фэн Гуйчжи была вне себя от радости. Говорили ведь, что этот Шэнь Да-лан — нищий без гроша за душой, только внешностью и может похвастаться. А тут сумел собрать достойный свадебный дар! Причём, лучше, чем у многих в деревне! На вид никак не меньше двадцати связок!

Для семьи Цзян это были не такие уж большие деньги, но если вспомнить положение Шэнь Юньчжоу, то сразу становится понятно, сколько он вложил души в приданое.

Цзян Нин тоже радовался и в этой радости чувствовалась сладкая нежность. Другие не знали, но он-то понимал: многие вещи подобраны точно под его вкус — цвета, фасоны... Значит, Шэнь Да-лан всё тщательно разузнал заранее. Такая забота была совсем не обычной.

Это ещё больше разжигало в нём ожидание счастливой супружеской жизни... и не только супружеской.

Но нашлись и те, кто, глядя на то, как в новый дом одна за другой ввозят повозки с приданым, буквально захлёбывались завистью:

— Столько добра в приданое отдают, а со стороны жениха жалкая горстка даров... они ещё и радуются! Не дураки ли? Столько денег вбухали и всё в чужой дом! Совсем не понимают, что к чему!

Сейчас как раз было такое время, когда запасы в огородах заканчивались, и многим приходилось идти в горы за дикой зеленью, чтобы хоть как-то перебить голод. В прошлые годы всё сложилось проще: семьи просто отпускали своих детей на целый день собирать травы и хворост. Но в этом году, из-за истории с белыми цветочными змеями, никто не решался отпускать детей одних. Несколько женщин и геров собирались вместе, сначала палками разгребали траву издалека, и только потом осмеливались копаться у подножия горы.

Говорившая была не кто иная, как вторая невестка Цзян Шуйшэна. Их дом стоял ближе к семье Цзян, и она каждый день видела, как одна за другой телеги с приданым тянутся к новому дому. Вся она будто была вымочена в уксусе, от неё за версту тянуло завистью.

Остальные женщины и геры переглянулись, на губах у них появились странные улыбки. Они не были так близки с Цзян Нином, как Ши Цзиньхуа, но слова второй невестки казались им смешными. Одна из женщин выпрямилась и с усмешкой сказала:

— Да не такой уж и маленький этот свадебный дар. У нас в деревне у большинства так же. Разве пару лет назад, когда твоя племянница выходила замуж, не то же самое было? И где тут «впустую»? У того Шэнь Да-лана ни одного родственника не осталось. Раз семья Цзян к нему хорошо относится, он ведь будет служить Цзян Шуйшэну с женой как родным родителям. За такое приданое взять такого зятя — вовсе не убыток.

Шэнь Да-лан, с таким крепким телосложением, явно мастер на сельских работах. Да ещё и охотник! В доме появится лишняя рабочая сила, значит и доход будет.

К тому же в те времена было принято давать богатое приданое: семья невесты, вкладываясь, получала больше влияния на зятя. Эта традиция пошла от образованных сословий, а уж те люди были весьма расчётливы — никто не станет добровольно терпеть убытки.

Но вторая невестка уже кипела от зависти и не могла слушать, как кто-то оправдывает семью Цзян. Она фыркнула:

— Да у них же есть родные сыновья! Зачем тратить деньги впустую? Что, сыновей не хватает? А если и не хватает, то у них полно родных племянников, всё одна кровь! Зачем же отдавать всё чужаку?!

Вот она и высказала то, что у неё на душе.

Кто-то тут же рассмеялся:

— Ты сама сказала, что у них есть родные сыновья. Они ничего не говорят, что для Нина собирают приданое. А вы вообще им дальние родственники, уже отделились. Вам-то какое дело?

Вторая невестка задыхнулась от злости, слова застряли в горле. Она понимала, что её мысли не из тех, что можно выставить напоказ — скажешь вслух, только посмешищем станешь. Но и смириться же нельзя. Наскоро накопив немного зелени и собрав пару охапок хвороста, она поспешила домой.

За её спиной женщины продолжали перешёптываться:

— Да всем понятно, чего она хочет. Раньше всё мечтала пожить за счёт семьи третьего, а теперь те опомнились и ничего не дают! Вот и бесится.

— С ней бы хорошо спелась та из семьи Фэн.

— Ха-ха! Ты поздно замуж вышла, ничего не знаешь. Эти две семьи раньше дрались, как петухи! Каждая считала, что только она должна пользоваться выгодой от семьи третьего, поэтому друг друга сторожили. А теперь дети у третьего один другого крепче, никому не дают собой пользоваться. Вот все и остались ни с чем. Пару лет назад был большой скандал, а теперь уже почти не общаются... в общем, ладят хуже, чем просто соседи.

— И после этого ещё следят, сколько приданого дают...

...

Вторая невестка, держа в руках зелень, поспешила домой. Во дворе второй брат, Цзян Гуйшэн, сидел и точил серп, готовясь к предстоящей летней жатве.

В семье Цзян было шестеро детей: старший — Цзян Фушэн, второй — Цзян Гуйшэн, третий — отец Цзян Нина, Цзян Шуйшэн.

Дальше шли две сестры — Ляньхуа и Мэйхуа, и младший брат Цзян Сишэн.

Обычно средние дети остаются незамеченными, таким был и Цзян Шуйшэн. Его игнорировали не только родители, но и братья. Кто бы мог подумать, что именно этот незаметный третий

сын, уже в зрелом возрасте, станет самым успешным в семье.

И не только вторая невестка Цзян чувствовала себя ущемлённой — таких было немало.

Она, едва войдя во двор, начала с шумом бросать вещи, швырнув корзину с зеленью на землю:

— Хозяин! У третьего брата для Нина такое приданое готовят! Всё чужаку уйдёт! И мы что, так и будем молчать?

Цзян Гуйшэн и сам был полон раздражения. Услышав её, он нахмурился:

— А что ты хочешь, чтобы мы сделали? Третий теперь разбогател, встал на ноги! Нас, братьев, ни во что не ставит. Я бы и рад вмешаться, да он меня послушает? Ты же помнишь, что было раньше!? Он и старшего брата перестал слушать!

С этими словами он с силой швырнул серп на землю, выплеснув накопившееся недовольство.

Когда родители ещё были живы, хоть они и больше полагались на старшего и баловали младшего, он умел подлизаться, знал, как угодить, и тоже имел своё место в их сердце. Перед смертью они разделили землю и ему досталось не меньше, чем старшему и младшему брату.

Он трудился на ней не покладая рук, чуть ли не «вышивал на поле». И всё же теперь жил хуже, чем третий брат, которому когда-то достались жалкие четыре му земли.

Вторая невестка скривила губы:

— Я всё равно считаю, что третий не должен так поступать! Ладно, тот дом раньше собирались оставить для женитьбы Цзян Аня — с этим ещё можно было смириться. А теперь и его отдали Нину! Ну как так можно? Своих не жалеет, а деньги горстями разбрасывает на чужих!

Цзян Гуйшэн покосился на жену. Недаром говорят, что люди с разными мыслями не спят в одной постели. Он прекрасно понимал, о чём она думает — и сам думал так же.

У них дома каждый день просо да соленья, а у третьего брата через день мясо, белый рис, белая мука. Почему так?

Если бы это были какие-то чужие богатеи в деревне, то он бы завидовал не так сильно. Но ведь Цзян Шуйшэн — его родной брат, из одной утробы вышли! Раньше он во всём уступал ему, а теперь их жизнь как небо и земля. От этого у него на душе становилось особенно тяжело.

Третий брат столько денег уже выложил, выдавая дочь и сына замуж! А у них же трое сыновей. Дом всё тот же, что достался при разделе: три комнаты. Они с женой живут в восточной, трое мальчишек ютятся в западной. Построить ещё две комнаты — денег нет. И ни один из сыновей до сих пор не может жениться.

Стоило об этом подумать и у него даже на губах выскочили язвочки от переживаний.

— И что ты предлагаешь? — осторожно спросил он жену.

Глаза у второй невестки хитро забегали:

— У третьего ведь свадьба, а без нас им не обойтись. Надо сговориться со старшим и младшим: пусть третий раскошелится, иначе мы помогать не будем! Посмотрим тогда, как он свадьбу проведёт!

В этом был свой резон. В деревне так ценят родственные связи именно потому, что в нужный момент все помогают друг другу. Особенно на свадьбах и похоронах — нужно не только работать, но и одалживать столы, скамьи, посуду. У кого всё это есть в достатке? Всё собирается по родне и соседям. Иногда столы даже ставят во дворах соседей.

Встреча гостей, рассадка, добавление мест, если не хватает, подгон блюд, когда гости начинают роптать — всё это требует людей. А Цзян Фушэн, Цзян Гуйшэн и остальные — родные братья Цзян Шуйшэна. В обычной семье именно на них и рассчитывают в первую очередь. Если они откажутся помогать, то это будет выглядеть крайне некрасиво...

Вторая невестка уже прикидывала: у третьего денег полно, так что если хоть немного «протечёт сквозь пальцы», им хватит. Если Цзян Нин не принесёт три связки... нет, пять связок в подарок, то пусть даже не рассчитывает на помощь!

А если ещё и одолжить пять связок сверху, то десяти хватит, чтобы построить две комнаты. И тогда их проблемы будут решены.

«Этот третий, чем богаче становится, тем скупее! Сколько раз у него денег просили, а только молчит и не даёт. В этот раз уж точно надо его прижать!»

Цзян Гуйшэн нахмурился, долго молчал, а потом тяжело вздохнул:

— Я с ним не справлюсь... Делай как хочешь.

Тем временем у Цзян Шуйшэна с женой шёл другой диалог. Они обсуждали меню на свадебный пир, но разговор незаметно свернул на ту же тему:

— Так всё-таки звать ли старшего брата с остальными помогать? — спросил он.

По правилам, конечно, следовало позвать родню, ведь именно она должна была заниматься организацией. Но горький опыт прошлого всё ещё стоял перед глазами.

Несколько лет назад, когда выдавали замуж Цзян Пин, они тоже устроили пир в деревне и позвали на помощь семьи Цзян Фушэна и родню со стороны Фэн. И что? Эти люди устроили такой позор, что вспоминать стыдно...

Лучшее мясо и блюда из кухни они тащили к себе домой. Повара уже приходили жаловаться, потому что готовить было нечего. Тогда Цзян Нин встал на кухне и не давал им брать продукты — началась ссора. После этого они переключились на блюда, уже поданные на стол: гости ещё не успевали толком поесть, а они уже уносили целых кур...

Хорошо ещё, что главный свадебный пир проходил в уездном городе, у семьи жениха. У них дома было немного столов, но и их хватило, чтобы опозориться.

Из-за этого тогда разразился большой скандал. Цзян Шуйшэн считал: ладно, в обычные дни можно что-то перехватить, но на свадьбе дочери родные братья должны поддержать, а не тянуть назад. А вот Цзян Фушэн с остальными и родня Фэн, наоборот, упрекали его и жену в скупости: мол, сами разбогатели, а братьям кусок мяса пожалели.

С тех пор между семьями образовалась трещина, и последние годы они почти не общались.

Супруги прекрасно знали характер своих родственников. Даже на расстоянии те умудрялись время от времени отпускать колкости. А если их пригласить, то обязательно начнут важничать

и неизвестно, какие ещё позорные выходки устроят. Дело было не столько в хлопотах, сколько в том, что в такой радостный день не хотелось портить себе настроение.

Цзян Шуйшэн колебался:

— Но если не позвать их помогать, это ведь будет некрасиво. Где это видано, что свадьба, а родни нет? Все сразу подумают, что мы в ссоре... Но если доверить им всё, то опять может выйти беда... А если обойти их и позвать чужих? Вдруг те откажутся, неловко будет?

— Да что тут думать? — не выдержал Цзян Нин, который уже давно слушал разговор. — Чего вы так переживаете?

Он, даже прожив в этом мире восемнадцать лет, всё ещё не до конца понимал местные обычаи. Например, зачем обязательно звать родственников, будто без этого кто-то потеряет лицо.

По его мнению, жертвовать своим спокойствием ради чужого «лица» — совершенно не обязательно.

— В городе богатые люди ведь нанимают «четыре службы и шесть управлений», — продолжил он. — У них всё организовано профессионально, от начала до конца. Зачем тогда родственники и соседи? Третий брат ведь работает в одной такой конторе! Давайте их и наймём. Они нам ещё и скидку сделают, выйдет недорого.

Цзян Шуйшэн и Фэн Гуйчжи даже не задумывались о таком варианте. Нанимать «четыре службы и шесть управлений» — так делали только городские богачи. В деревне никто так не поступал.

Они переглянулись:

— А это... нормально?

— А что тут ненормального? — вмешался Цзян Дин. — Я сам договорюсь. Может, и платить не придётся, из уважения помогут. Потом просто угостим их парой обедов да подарим несколько кувшинов вина. А что до деревни... теперь мы сами зажиточные люди, да и в городе столько лет прожили. Что плохого в том, чтобы вести себя по-городскому?

— Вот именно, — подхватил Цзян Нин. — Если можно решить всё деньгами, то лучше не впутывать человеческие долги.

Бесплатное, как известно, выходит дороже всего — сколько мяса и блюд те родственники тогда утащили, если перевести в деньги, сумма была немалой.

Цзян Шуйшэн и Фэн Гуйчжи были людьми нерешительными. Под напором доводов Цзян Нина и Цзян Дина, они постепенно сдались:

— Ладно, пусть будет так. Родственникам из других деревень и из города, третий напишет приглашения и сам съездит пригласить. А в нашей деревне мы с матерью сами обойдём дома и сообщим.

Цзян Гуйшэн сидел дома. Он ждал и ждал, прокручивая в голове заранее заготовленные речи — снова и снова. Но в итоге дождался лишь... приглашения на пир.

— После начала лета рис уже высадят, а молодую капусту уберут. Как раз свободное время

появится. Я попросил старика выбрать удачный день — двадцатое число четвёртого месяца, — Цзян Шуйшэн неловко потёр ладони о штаны. Хотя дома всё уже решили, ему всё равно было не по себе. — Эм... можно и накануне зайти, навестить Нина.

По правилам, накануне свадьбы родственники — дяди, тёти, двоюродные братья и сёстры — приходили «добавить приданое»: приносили что-то символическое. Например, кусок ткани, стельки, горшок солений. Но Цзян Шуйшэну было неловко говорить об этом прямо.

Он и сам прекрасно знал своих братьев: если они не утащат что-нибудь к себе, то это уже хорошо.

Цзян Гуйшэн и его жена растерялись. Они ведь ждали, что Шуйшэн начнёт просить помощи и тогда можно будет выставить свои условия. А тут всё пошло совсем не по их плану.

— Третий, ты, наверное, дату перепутал? — уголок губ у второй невестки чуть приподнялся. — Двадцатое — это ведь сам день свадьбы. Разве мы, родня, не должны за три-четыре дня прийти помогать? А что с угощением? В такую жару мясо трудно хранить! Будете свинью резать или заказывать? Пусть твой второй брат поможет разобраться... А то у твоего племянника сейчас...

Она ещё не успела плавно перейти к жалобам на свои трудности, как Цзян Шуйшэн замахал руками:

— Не надо, не надо! Третий ведь работает в городской «четвёрке служб и шести управлений». Он позвал своих братьев и друзей — всё поручили им. Большие и мелкие дела — всё они сделают, нам и думать не надо. Вы с братом просто приходите на пир, отдыхайте, не утруждайтесь.

Он прекрасно понимал, что стоит дать Гуйшэну «помочь», и от половины свиньи ничего не останется.

Вторая невестка остолбенела. Без них обойдутся? Тогда как же разыгрывать приготовленный спектакль?

— Да как ты так можешь?! — не выдержала она. — Родных не привлекаешь, а каких-то чужих людей зовёшь? Эти ваши «четыре службы и шесть управлений» — это же не для деревни! Сколько же денег на это уйдёт?!

Цзян Шуйшэн уже отступал к выходу:

— Да не тратим мы деньги! Это друзья третьего сами согласились помочь. Они мастера своего дела, всё делают куда лучше, чем мы бы тут сами возились. В общем, так и будет. Я пойду... не забудьте прийти на пир!

— Постой! Подожди! — Цзян Гуйшэн с женой кинулись за ним.

Но сказать толком им было нечего. Они только повторяли:

— Да как ты так можешь...

А ведь если бы они сейчас сами предложили помочь, это уже выглядело бы как их инициатива и никакой возможности «поторговаться» не осталось бы. В конце концов, им пришлось отбросить намёки и сказать прямо:

— Третий, ты столько денег тратишь на свадьбу, неужели родных братьев и племянников оставишь без помощи? Нам много не надо... одолжи десять связок монет. Мы дом достроим... У тебя три племянника ютятся в одной комнате, никто за них замуж идти не хочет. Ты как дядя разве не видишь?

Цзян Шуйшэн помолчал, а потом тихо сказал:

— Второй брат... Когда мы только разделились, ты сказал, что невестка беременна, что нужно обеспечить ребёнка и занял у меня одну связку монет. Потом, когда у меня родилась двойня, мы устроили праздник на месяц, собрали немного подарков... Деньги ещё не успели остыть, как ты снова пришёл и занял две связки. Тогда ты говорил, что после сбора урожая вернёшь. Но до сих пор так ничего и не вернул.

И теперь «немного»? Десять связок — это годовые расходы обычной крестьянской семьи!

Лицо Цзян Гуйшэна потемнело:

— Третий... ты же разбогател и теперь с родным братом счёты сводишь?

Цзян Шуйшэн взглянул на второго брата:

— В то время мы тоже жили в нищете.

Дети тогда плакали от голода, он не хотел занимать, но те две связки монет Цзян Гуйшэн буквально вырвал у него из рук... ещё и толкнул.

И так с ним поступал не один только Цзян Гуйшэн.

Поэтому позже, повидав немного жизни и набравшись твёрдости, он, даже когда его тыкали пальцем в голову, всё равно не соглашался больше давать братьям деньги.

Цзян Шуйшэн развернулся и ушёл. За его спиной Цзян Гуйшэн кипел от злости:

— Если не дашь, то считай, у тебя больше нет второго брата! И на свадьбу твоего сына я не приду!

<http://bllate.org/book/17138/1606830>